

своих. Реальная коммуникация сегодня невозможна без включения сленговой составляющей. Интернет сегодня предоставляет реальную возможность овладеть иноязычным сленгом, не выходя из дома.

М. Бура

НЕЭТЫМАЛАГІЗАВАНЫЯ ЛЕКСІЧНЫЯ АДЗІНКІ Ў «ЭТЫМАЛАГІЧНЫМ СЛОЎНІКУ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ»

У рамках нашага лінгвістычнага даследавання намі было прааналізавана каля 270 лексічных адзінак беларускай мовы, найперш дыялектнай, пакінутых аўтарамі «Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы», які выдаецца з канца 1970-х гг. (ЭСБМ) без спроб этымалагізацыі (большасць з гэтых адзінак даецца ў слоўніку з пазнакай *нясна*). У выніку работы з абраным лексічным матэрыялам нам удалося распрацаваць пераканаўчую этымалогію для больш як 15 з вышэйзгаданых адзінак. Ніжэй мы прыводзім для прыкладу дзве такіх этымалогіі, якія мы лічым найбольш праўдападобнымі, абгрунтаванымі і цікавымі для чытачоў.

Кóшна ‘мокра, сыра’: *Кóшна на дваре, ус ‘ей дз ‘ен’ дождж ишоў* (шчуч., Сцяшк. сл., с. 216)¹. У ЭСБМ даецца без спроб этымалагізацыі з пазнакай *нясна* (ЭСБМ, Т. 5, с. 107). Выводзіцца з літ. *košti* ‘ліць’: *Lietus košia kap iš kibiro* (бел. пераклад: *Дождж перыць як з вядра.*) (воран., LKŽ). Што да словаўтварэння, параўн. аказіянальныя *уежна* ‘сытна’, *улежна* ‘шмат свабоднага часу’ ў прыказцы *хоць ня ўежна, дык улежна* (Стан., с. 1239, 1242). Яшчэ адна вельмі цікавая, але, на нашу думку, менш верагодная магчымасць этымалагізацыі гэтай лексемы – дапушчэнне яе роднасці з балг. *киша* ‘халепа, мокрае надвор’е’, дыял. ‘дождж’, серб.-харв. *kîša* ‘дождж’ < прасл. **kyša* (ЭССЯ, Т. 13, с. 277), для якога ў такім разе трэба ўзнаўляць варыянт **кьша* (параўн. аднакарэннае **къsenь* (ЭССЯ, Т. 13, с. 245) з аналагічнай ступенню вакалізма).

Стакаро́дніца ‘від агароджы’: *Стакародніцу пастаў, дык і сьвіньні ў гарод хадзіць ня будуць* (сен., Касп., с. 291). У ЭСБМ даецца без спроб этымалагізацыі з пазнакай *нясна* (ЭСБМ, Т. 12, с. 282). Відавочна, кантамінаваная форма. Першы элемент – гінатэтычнае усх.-бел. **стакол* (параўн. разан. *стакóл* ‘частакол, што абгароджвае прысядзібны ўчастак’ (СРНГ, Т. 41, с. 36) і смал. *шыстакольчик* ‘невялічкі частакол’ (СОС, Т. 11, с. 139), дзе *шы-* магло быць успрынята як факультатыўная прыстаўка і адцята, параўн. *шыголле* ‘ігліца, дробныя галінкі і пад.’ (СОС, Т. 11, с. 142) < *голле*), літ. *stokas* ‘плот’, ‘кол’ (< ням. *Stock* ‘цурка, кій’) (LKŽ) ці, што падаецца менш верагодным, *стаўдыр* ‘плот, агароджа’ (Сцяшк. сл., с. 458); другі элемент – карэнная марфема *-гарод-*, знаходжаная ў беш. *абгарода* ‘агароджа’ (Касп., с. 2), *ізгарода* ‘загарада’ (Касп., с. 144). Суфікс *-нік-* > *-ніц-а* (фемінізацыя пад уплывам вышэйпрыведзеных беш. лексем), магчыма, як у *шчыкетнік*.

¹ Тлумачэнне ўсіх выкарыстаных намі ў артыкуле скарачэнняў можна знайсці ў пачатку 14-га тома ЭСБМ.

Работа па этымалагізацыі «няясных» слоў, пададзеных у «Этымалагічным слоўніку беларускай мовы», працягваецца намі і пагэтуль, таму цалкам магчыма, што ў бліжэйшы час таямніца паходжання многіх «цёмных» формаў, меркаваных «слоўнікавых фантамаў» і загадкавых гапаксаў будзе раскрыта.

А. Буренкова

КОНЦЕПТ «ЗЕРКАЛО» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПОЭТОВ

Образ зеркала, один из самых загадочных и мистических, часто использовался поэтами и писателями разных эпох. Мы обратились к анализу произведений русских поэтов XIX и XX веков с целью проследить развитие концепта «зеркало» в их творчестве.

Начало XIX века в русской поэзии – эпоха романтизма. Одной из ее особенностей было обращение к фольклору и народной тематике, богатой ритуалами, обрядами и гаданиями. В классическом примере романтизма – балладе В. А. Жуковского «Светлана» (1813) – образ зеркала сопровождается тематической цепочкой слов «темно», «мертвое молчанье», «жалобно», «чуть дышит», которые наряду со строками «робко в зеркало глядит», «робость в ней волнует грудь, / страшно ей назад взглянуть, / страх туманит очи...» призваны усилить и подчеркнуть опасность ритуала, проводимого Светланой. Аналогичный образ зеркала использует и А. А. Фет в стихотворении «Зеркало в зеркало» (1842). Помимо прочего, через образ «зеркала» вводятся мотив смерти («уставят гробами дубовыми») и образ черта («лохматый с глазами свинцовыми»), что раскрывает дьявольскую природу зеркала.

В XX веке образ зеркала по-прежнему привлекает русских поэтов, но его концептуальное наполнение становится шире. Так, в стихотворении поэтессы Е. И. Дмитриевой «Ты в зеркало смотри...» (1909–1913) образ зеркала выступает как альтернатива реальности, побег из безликих страшных будней («Здесь дни твои пусты, / Здесь все твое разрушат») в яркий, сверкающий мир зазеркальной жизни. Еще одна концепция «зеркала» – идея двойственности человеческой природы, на которой строится поэма С. А. Есенина «Черный человек» (1923–1925). В конце текста герой понимает, что всю ночь вел беседу с самим собой, «воевал с зеркалом», и Черный Человек – его альтер эго, фантом, одолевающий его расшатанное сознание.

Тридцатые годы и период Великой Отечественной войны – новая эпоха как в жизни людей, так и в литературе, что сказывается и на образах: зеркало выступает символом памяти, домашнего уюта и мирной жизни (стихотворение В. С. Шефнера «Зеркало» (1942), а в послевоенное время становится обычным предметом обихода («Песенка без конца» И. Шаферана (1980-е)).

Таким образом, в зависимости от времени концепт «зеркало» менялся: от идеи дьявольского обрядового предмета в XIX в. до посредника между мирами, двойника, лжеца, убийцы и символа памяти в XX в. Если в XIX веке негативная коннотация зеркала имела религиозный подтекст, то мистическое